

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Любое обращение к элитизму и к идеологии часто становится причиной весьма несдержанной дискуссии и высказывания весьма несдержанных оценок обеих категорий. Интеллектуальное толкование этих понятий, как будет показано в работе, зачастую превращается в карикатуру, совместно создаваемую апологетами и критиками элиты и идеологии. Задача данной главы заключается в содержательном рассмотрении этих категорий в контексте новейшей российской истории и в том, чтобы выявить, насколько «элита» и «идеология» тесно взаимосвязаны в функциональном плане. Думается, такой подход позволит преодолеть крайности и спекуляции в оценке данных терминов.

1.1. Правящая политическая элита: проблемы описания и авторская концепция анализа

На протяжении многих столетий неоспоримой аксиомой политической мысли было утверждение о том, что власть в обществе распределяется неравно. Традиция, которая представляет всю историю человечества как продукт деятельности избранного меньшинства, «героев», является наиболее древней парадигмой в социальных науках.

Концепция элиты обязана своим происхождением итальянским ученым В. Парето и Г. Моска. Изучение элиты вошло в политическую Науку в качестве ее составной части в конце XIX—начале XX столетия. С тех пор как вопрос о политической роли элит был впервые открыто поднят, он остается ведущей темой политологии, социологии, политической и общественной мысли. На сегодняшний день в мировой общественной мысли изучение политических элит стало самосто-

ятельным направлением со своими школами, концепциями и даже классиками. Существует огромное количество теорий элиты и еще больше эмпирических исследований в этой области. Достаточно сказать, что еще в 1967 г. на примере только одной Восточной Европы была составлена библиография, насчитывающая 15000 пунктов¹. Однако строгого и общепринятого определения элиты так и не сложилось. Этот факт отражает ряд традиционных трудностей и драматических обстоятельств в описании данного явления.

Как и «идеология», «элита» — дразнящий термин, навеянный эмоциями и ложными аффектами. Значительная часть того драматизма и тех трудностей, на фоне которых происходило закрепление данного понятия в науке, была связана с подозрениями ученых по поводу того, что научная теория элиты все более превращается в этикет элитарной психологии — оправдание политического господства избранных. Это обстоятельство приводит к отчетливой радикализации дихотомии «элита-масса».

Человеком, который с необыкновенной пронизательностью выделил проблему разграничения теории и идеологии элиты, был Ф.М. Достоевский. В романе «Братья Карамазовы» он продемонстрировал больше научно-теоретической интуиции для рассмотрения данной темы, чем большинство его современников, которых сегодня причисляют к основоположникам политологии и социологии. Писатель вывел в произведении образ Великого Инквизитора, заставив его сказать воскресшему Христу: «...Ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы. Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья,—эти силы: чудо, тайна и авторитет...

Ты забыл, что смерть больше нравится людям, чем свободный выбор между добром и злом? Ты слишком хорошо думал о людях. Ты рассуждаешь так, будто у тебя нет к ним жалости. Мы улучшили твои деяния и выдали их за чудеса, тайны и авторитет, и все стали счастливы, все эти миллионы, с помощью которых мы господствуем. Несчастливы только мы, сохраняющие тайну»².

Никто так образно не описывает идеологов элиты и идеологию элитизма, как Ф.М. Достоевский устами Великого Инквизитора. В этих словах Достоевский собрал все, что связано с этикетом элитарной психологии, или с элитизмом: господство элиты необходимо по своей природе не только как функция де-факто, но и как притязания отдельных личностей; сознание принадлежности к избранным; гордость за то, что ты можешь думать за других; стремление возвысить собственные функции с помощью мистификации действительности; чувство ответственности за принесение счастья неэлите, чувство тяжести за эту ответственность и трагичность положения элиты, вынужденной принимать решения за других. Особенно характерен элитистский синдром для философов культуры и философов истории. Знакомый элитистский образ мышления был присущ таким мыслителям, как Томас Карлейль, Арнольд Тойнби, Николай Бердяев, Джордж Сантаяна и др. Наиболее чёткий вариант такого мышления описал Н. Бердяев: «С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархии и для демократии, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода...»³. Другие были озабочены «варварским давлением народных масс», «массовизацией культуры», утверждая, что «в культуре высшего типа нуждаются только избранные». Подобные взгляды стали для многих известных интеллектуалов способом стандартного элитарного мировоззрения.

Крупный мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет начинает свой труд «Восстание масс» с наблюдения о том, что там, где раньше встречались избранные круги, сейчас мельтешит множество не имеющих вкуса людей⁴. Убежище духовной культуры Ортега-и-Гассет искал именно в так называемой экзистенциальной личности. Элитаристы XX столетия, ориентировавшиеся на романтического гения искусства, ницшеанского сверхчеловека или утонченного аристократа духа, склонялись в своей ренессансной модели личности к индивидуальному варианту⁵.

Усилиями элитистов правящим меньшинствам была придана огромная, почти патологически утрированная роль в развитии общества. Следуя данной тенденции, наиболее радикальные апологеты роли личности, настроенные крайне враждебно к «массам», рассматривали этот термин по отношению к историческим личностям как их единственную альтернативу. В итоге, как и следовало ожидать, абсолюта-

зация элитизма привела к тому, что литература увязла в непрерывных повторах и интеллектуальной косности. Как сетовал немецкий ученый Гюнтер Эндрувайт, данная тенденция, выраженная в противопоставлении «элита-массы», является причиной того, что многие авторы отворачиваются от изучения этой темы⁶. В свою очередь, столь откровенный дихотомический взгляд не мог не спровоцировать ответную агрессивность со стороны тех авторов, которые не разделяли подобных суждений. Многие ученые стали рассматривать предвзятость и провалы в политической науке как наследие абсолютизации элитизма. Социологи и некоторые историки, в частности, историки социально-экономического направления, начали отрицать лидеров, выдвинув лозунг: «Массы, а не лидеры — вот новый герой!» Между приверженцами двух направлений возникла своего рода «холодная война». Как отмечали европейские политологи, в разгар этого интеллектуального противостояния обвинение в «фальсификации» истории вставало тяжелой преградой на пути любого вывода о значимости лидеров, а «простое употребление слова «элита» иногда вызывает подозрение в распространении антидемократической идеологии и пропаганды в большей степени, чем в объяснении социальной реальности»⁷.

Проблемы элитизма в последние годы интенсивно разрабатываются отечественными исследователями⁸, хотя буквально десять лет назад сама постановка вопроса об элите в советском обществе воспринималась чуть ли не как провокация. По крайней мере, это понятие находилось в ряду враждебных, ассоциируясь с такими определениями, как «истеблишмент», «господство», «неравенство» и т. п. Более того, иной раз упрек в элитарности становился высшим проявлением презрения. Сегодня общий климат более благоприятен, но это имеет и свою теневую сторону. В политологию вносят свой темперамент публицисты, искусствоведы, театралы, немало способствующие популяризации термина «элита» и нередко, к сожалению, его профанирующие. Появившиеся в последнее время во множестве публицистические импровизации на эту тему способны, на мой взгляд, только дезориентировать читателей. В России уже появилась отталкивающая реакция на элитистский комплекс, на кричащую демонстрацию богатства, власти, известности в журналах типа «Элита», «Деньги», «Каприз», «Домовой», «Imperial Magazine» и т. д. Уже возникает знакомая вышеописанная ситуация, когда слово «элита» одни люди произносят

со вкусом, а другие — сквозь зубы. Противопоставляя элитизму «новых русских» ценностно - аристократический пафос, П. Басинский с горечью пишет: «Идеология элитаризма—мерзкая, отвратительная вещь вроде практического исполнения ницшеанской идеи «расы господ»⁹.

Можно попытаться воспроизвести многочисленные выдержки из работ крупных политологов по определению властвующей элиты. Так, Льюис Эдингер и Дональд Сеаринг дали весьма обстоятельное определение: «Все политические системы более или менее стратифицированы и их элиты составляют меньшинства, которые играют стратегическую роль в политическом процессе. Как находящиеся на таких ключевых позициях, они имеют гораздо больше влияния, чем массы в политических взаимоотношениях и политической продуктивности на различных уровнях принятия решений. Они имеют такое влияние благодаря их исключительному доступу к политической информации и позициям, а также их непомерно большому контролю над общественной политикой и средствами связи, которые связывают общество с политикой, а управляющих — с управляемыми. Обычно не превышая 5% членов политического сообщества, эти элиты не только гораздо лучше знают о внутреннем управлении, подходящем для данной системы, чем остальные члены общества, но гораздо лучше могут придавать определенную форму и содержание тому, что требуется для управления на национальном или субнациональном уровне»¹⁰.

У Гленна Пейджа мы встречаем иное определение: «Политическая элита» служит общим термином для людей высокого положения, квалификации, богатства и способности принуждать. Они имеют политическое влияние, согласно концепции «властвующей элиты» Райта Миллса»¹¹. Роберт Патнэм дает весьма вольную оценку политической элите как тех людей, кто в любом обществе «выстраивается» к его вершине, будучи тесно связанным по вовлечённости и влиянию в политике¹². Аналогичным образом Роберт Дал рассматривал «политическую страту» — «узкий круг лиц, значительно больше вовлеченных в политическую мысль, дискуссии и действия, чем остальная часть населения»¹³.

Конечно, подобное описание не исчерпывает элитистского подхода. Элитистские концепции подразделяются в зависимости от того, какие характеристики позволяют некоторой группе обеспечить статус

элиты. Они хорошо описаны в работах Уильяма Уэлша и Роже-Жерара Шварценберга¹⁴.

Каждое определение зависит от особенностей фокуса исследования или той, или иной традиции исследовательской школы. Так, Карл Дойч связывает элиты с ролью обладания информационными и командными функциями, в то время как Гарольд Лассуэл определил их как тех, кто получает подавляющее большинство материальных ценностей в обществе¹⁵.

Нет необходимости в дальнейшем цитировании, ибо уже из приведенных фрагментов явствует, что любое определение основывается на специфике времени, предопределено предметом исследования и позицией автора. Если говорить коротко, а потому неизбежно схематично, существует позиционный, репутационный подходы к оценке элиты, а также подход на основе анализа решений и подход по признаку общественной деятельности. Несходство выводов тех или иных авторов фиксирует неоднозначность понимания самого понятия «элита», а также различные подходы к вопросам о природе и внутренней структуре элит, механизмах их формирования, функционирования, трансформации, принципах легитимности и т. д.

В мою задачу не входит архивирование обстоятельств, связанных с определительным анализом. Ибо в таких случаях срабатывает закономерность, описанная К. Манхеймом: «...кризис наступает лишь тогда, когда исследователи обращаются к рефлексии и определению основных понятий той или иной дисциплины»¹⁴.

Российская элитология находится в активной фазе своего становления. С одной стороны, развернувшиеся процессы передела собственности и власти, формирование новой бизнес-элиты поставили проблему элит в центр социологических исследований. Для того, чтобы поднять проблему элит, брошены значительные силы социологов, которые, независимо от ценностных критериев, проводят исследования элит, исходя, главным образом, из следующих признаков: размера имущества и должностных кумуляций, происхождения и групповой принадлежности, карьеры и влияния¹⁷. Эти данные обрабатываются и систематизируются со знанием дела, что позволяет распознать, как, в каком направлении и на какие слои расслаивается общество. Но много ли этим можно достичь?

Здесь самое время вспомнить известное высказывание: «Как часто настоящие проблемы начинаются именно там, на чем останавливаются ученые-социологи!» Что нам даст в данном случае констатация того факта, что в таком-то обществе имеется «верх» и «низ», «немногие» и «многие», те, что у руля, и те, что на палубе или ниже палубы?

С другой стороны, отечественная элитология так же, как сами процессы становления новой элиты, находится на пути к многоверсионному состоянию, обуславливающему теоретические дискуссии и концептуальную динамику. Решающим здесь, на мой взгляд, является то, акцентируются ли указанные различия между элитой и неэлитой, как они оцениваются, какую роль они играют для общества. **Иными словами, несут ли те, кто «наверху», ответственность, задают ли они масштабы развития своих сообществ, подают образцы и управляют развитием, или они только находятся «наверху».** То есть становится неизбежным соединение анализа политических элит с изучением процессов развития регионов.

В нашем случае принципиально невозможно рассматривать феномен элит, исходя из какого-либо одного определения. Наличие обширной литературы об элитах власти позволяет мне ограничиться минимумом из того, что утверждается элитарным подходом к исследованию политики. Суть предлагаемого мной подхода к изучению элит заключается в содержательном рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии — лидерства. **Для меня важно понимание того, что элита любого общества — естественный генератор идей, она же — передатчик заимствованных идей, она же — главный субъект политики.** Члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии. Мысли господствующих слоев являются господствующими в любую эпоху, а пути обществ столь же закономерно определяются мифами и доктринами правящих меньшинств. Особенно это важно в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии. В силу данных обстоятельств политическое сознание и политическая идеология правящих меньшинств играют очень большую роль.

Таким образом, властвующие элиты представляют собой политические группы, способные выражать свои интересы и волю на язы-

ке идеологии. Наряду с функцией отправления власти разработка идеологий является областью политического призвания элит. В этом пункте мы нашли точку соединения наших главных категорий «идеология» и «элита». В период становления новой государственности, нового общесоциумного и регионального «я», во время столкновения различных концепций политическое сознание российских локальных элит чрезвычайно важно.

Изучение массового политического поведения показывает, как отчуждена в большинстве своем масса народа от совокупности идей, обычно используемых в интерпретации политики и истории. Большие сегменты электората не обладают сколько-нибудь прочными убеждениями даже в отношении тех вопросов, которые составляют основу напряженной политической полемики элит на протяжении длительного времени¹⁸. Опросы общественного мнения дают картину поверхностных установок, даже не мнений, а настроений, фиксация которых слабо отражает глубинные причины отношений, складывающихся между властью и гражданами и, на первый взгляд, производящих впечатление хаотичности и иррациональности¹⁹.

В то же время не вызывает сомнения то, что взгляды представителей элиты характеризуются, как правило, богатством и значительной структурированностью. Интерпретация интересов общества и составляющих его групп — важнейший аспект политической деятельности как профессионального политика, так и государственного служащего. «Каждая теория, связанная с положением определенного класса и созданная в интересах не изменчивых масс, а организованных исторических групп, — писал К. Манхейм, — должна быть рассчитана на действие *a la longue*. Поэтому ей необходимо полностью рационализированное представление об историческом процессе, на основании которого всегда можно задать вопрос, где мы в данную минуту находимся»²⁰. Элиты умело контролируют темы и условия политических дебатов, формируют границы общественного согласия по той или иной проблеме. Эта сторона их деятельности настолько значима, что позволила Питеру Бахраху и Мортону Баратцу заявить: «В той степени, в какой лидер или правящая группа (группы) сознательно и целенаправленно создают или укрепляют барьеры общественного мнения по поводу политических конфликтов, лидер или группа имеют

власть»²¹. Поэтому элиты очень чувствительны к информации, которая обладает идеологическим оттенком.

Политические активисты всех уровней являются весьма жадными потребителями политических оценок и часто участвуют в различных политических дискуссиях. Их идеологическая виртуозность и изощренность есть следствие возрастающей тяги к политической информации и комментариям. Они также владеют политическим жаргоном и постоянно совершенствуются в нем. По словам Р. Патнэма, «лидеры учат политический жаргон по той же причине, по которой игроки в гольф учатся быть связной командой»²². Любая политическая группа есть подразделение, живущее актуальными идеологическими интересами и усматривающее свое существование в изучении противника. Для политических элит идеологические и партийные предпочтения составляют, по выражению А. Корнберга, «вид концептуальной сетки для сбора, организации и оценки поступающей информации, которая может быть политически релевантна»²³. Хорошее образование, которое, как правило, имеют представители элит, упрочивает их когнитивные способности к распознаванию и постановке новых проблем.

Сказанное также позволяет заключить, что члены властвующих меньшинств имеют сложную систему политических убеждений. Поэтому даже новейшие методы исследования общественного мнения и массового политического поведения не подходят к изучению элитной системы взглядов. Изучение последней требует от исследователя такого инструмента, который поможет раскрыть неуловимые особенности политической культуры властвующих меньшинств. А вместе с тем понять то, что стоит порой за рискованным поведением региональных властей.

Данные обстоятельства предопределили выбор методики исследования. Из всего набора исследовательских методик в качестве главного автором было выбрано свободное интервью, поскольку внеинституциональные феномены (ценностный, культурный и т. п.) требуют использования более тонких познавательных технологий. Для данного анализа этот метод незаменим, поскольку обладает высокой подвижностью и чуткостью к улавливанию оттенков. С июня 1994 г. по октябрь 1996 г. автор, работая на местах, лично взял интервью у 45 представителей калмыцкой правящей верхушки, 49 ведущих полита-

ков Татарстана, 48 и 44 членов правящей элиты Нижегородской и Саратовской областей, соответственно. Среди них были: в республиках — министры, члены правительства, госсоветники и советники при президентах республик, ведущие парламентарии; в областях — губернаторы, руководители подразделений исполнительной власти и депутаты областных законодательных органов.

По поводу выбора данных групп политиков необходимо сделать следующие замечания. В указанных регионах представители данных властных и политических структур являются наиболее важными членами политической элиты. Поэтому мною исследованы представители политико-административной власти как единственно релевантные члены правящей группы (в смысле традиционно понимаемой «партии власти»). Хотя категория региональных интересов в целом объективна, на практике интерпретатором и выразителем региональной идеологии выступает политическая элита сообщества. Прежде всего та ее часть, которая непосредственно находится у власти. Ее представители являются главными держателями политической власти и влияния. Они играют ключевую роль в выработке политического курса (повестки дня местной политики) и принятии основных решений, в распределении ресурсов и властных функций на местах. Стало быть все, о чем пойдет речь ниже, относится к конгломерату властных структур.

В исследуемую группу не была включена региональная бизнес-элита. Сегодня ее скорее можно отнести к протоэлитной группе, чье реальное политическое влияние на местах (в отличие от Москвы и Санкт-Петербурга) может проявиться в будущем. Сказанное не исключает случаев, когда тот или иной индивидуум является членом и политической, и экономической элит.

Руководители партий и движений, за некоторым исключением, также не были включены в нашу группу. Определяющее значение в политической ситуации регионов имеют закономерности взаимодействия центров власти, а не логика партийности²⁴. Как с иронией отметил Президент Татарии М. Шаймиев, членов политических партий в республике можно уместить «на диване». Даже местная «придворная» партия «Единство и прогресс», призванная выразить правоцентристскую ориентацию властей, так и не сумела стать влиятельной политической силой в Татарстане²⁵.

Аналогичная ситуация с партийной системой сложилась и в Центре. Помимо того, что некоторые партии, как отметил В. Каганский, являются откровенно контррегиональными структурами, многие из них вовсе подвержены политической деградации. В этом плане довольно любопытны шокирующие откровения одного из партийных активистов Татарии К.М. Зартдинова (движение «Экономический прорыв—третья сила»), высказанные им Президенту Шаймиеву: «...Мы были в Москве, встречались с политическими организациями, лидерами, но когда мы спускались в бар и говорили за «рюмочкой чая», каждый из них сказал, что нет никаких надежд, все полностью коррумпировано, полностью идет деградация, на нас не рассчитывайте. Если вы в регионах что-то сможете взять, что-то сделать для себя, то делайте, а здесь все куплено, все продано»²⁶.

Не менее драматична ситуация в Саратове. Местные наблюдатели отметили следующее. В политических партиях состоят 18 тысяч саратовцев, из них 17700—в компартии. В демократическом движении постоянно участвуют 200-250 человек. Молодежные организации объединяют около одной тысячи человек и во многом на формальных основаниях. Активной общественной деятельности на местах нет²⁷. В Калмыкии с приходом к власти К. Илюмжинова деятельность политических партий вовсе была приостановлена²⁸. Поэтому всякие споры о том, какую элиту сегодня следует изучать в качестве господствующей, большого смысла не содержат. Как бы некоторым обозревателям и политикам ни хотелось, чтобы в России развивалась демократия по классическим канонам соперничества партийных элит, в итоге мы можем наблюдать только то, что имеем — правление номенклатуры. Таковы реалии.

В связи с этим встает еще один вопрос: как мне удалось получить доступ к региональным правящим элитам? Ведь известно, что элиты защищают вход в свой мир гораздо строже, чем большинство людей вход в свое жилище, и весьма неохотно позволяют посторонним наблюдать свою жизнь. В данном вопросе мне была оказана подлинно неоценимая поддержка со стороны Аналитического Центра при Президенте России. В частности, бывший в то время руководителем Центра Марк Юрьевич Урнов лично ходатайствовал перед главами выбранных для исследования регионов в оказании содействия в прове-

дении данного исследования. К тому же, за время моей работы в регионах, он стал для меня заинтересованным и поощряющим коллегой.

Вернемся, однако, к методике. В базе данных имеется 186 интервью с представителями региональных элит. Интервью длилось в пределах 1-1,5 часов по единой схеме, которая состоит из 26 вопросов. Схема включает в себя 4 раздела: 1) личные данные респондента; 2) политические взгляды респондента; 3) проблемы региона и взаимоотношения «центр-периферия»; 4) система организации местной власти (см. Приложение).

Все интервью были записаны на пленку с минимальным воздействием на откровенность респондентов и с несомненной пользой для последующих анализов. Собеседники имели возможность импровизировать, не обременяя себя строгими границами поставленного вопроса. Этот метод, как будет показано далее, представляет собой надёжный механизм получения искренних оценок и заявлений от респондентов. Данная тактика в нашем случае даёт возможность охватить не только главные характеристики персональной политической философии каждого представителя элиты, но и малозаметные частности, которые зачастую являются критическими в понимании этой философии.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что некоторые интервью могут отражать суждения политиков, высказанные в явно некритической манере и отражающие их риторическую стратегию. Однако, когда власти говорят о своих действиях, это есть ситуация, в которой устанавливаются их повествовательные программы. Их мировоззрение можно очертить, их поведение можно изучить, а масштаб данного мировоззрения—измерить. Политический язык формирует, хочет того пользующийся им или нет, политическую действительность, в которой он создает ориентации через политические определения «своего-чужого». Этот политический дискурс характеризуется стилистическими особенностями и наличием повествовательной схемы. Как отметил Поль Рикер, действие является преимущественно деянием говорящего человека и о действии можно говорить как о чем-то неизменно символически опосредованном. Человеческая деятельность, будучи символически опосредованной, прежде чем стать доступной внешней интерпретации, складывается из внутренних интерпретаций самого действия; в данном смысле сама интерпретация конституирует действие²⁹.

В качестве других источников автором изучались материалы Протокольных отделов администрации, указы и материалы местных властей, а также материалы региональной печати. Из этих документов особую ценность представляют стенограммы различных встреч и обсуждений, проводимых руководителями регионов. Их можно назвать «книгой бытия» локальных правящих групп, поскольку в них достаточно откровенно выражены затаенные цели и политические стимулы локальных элит. Не случайно данные материалы в некоторых местных администрациях выдавались автору особенно неохотно. Наиболее смело и достойно подошли к этому делу госслужащие Аппарата Президента Республики Татарстан. Поэтому особенно полно представлены стенограммы политических акций татарстанских лидеров, в меньшей степени — калмыцких и, к сожалению, никак — саратовских и нижегородских. Также проводилась систематизация высказываний руководящих работников регионов в средствах массовой информации, использовались анализы местных ученых - экспертов.

Полевые исследования, непосредственный контакт с представителями регионального политического истеблишмента позволили увидеть здешнюю политику со стороны, остающейся в тени для многих аналитиков, со стороны переживаемого элитой внутреннего осмысления своей миссии и своей идентичности в условиях кризиса. В этой связи возникает еще один вопрос (известный в литературе под названием «дилеммы Люсиана Пая»)³⁰: как можно измерить ценности и идеологические характеристики в тех повествовательных и весьма аморфных копиях интервью, которые мы имеем? Чтобы измерить элитную политическую культуру³¹, которая весьма чувствительна к нюансам, нам необходимо подчинить наши исходные данные строгой дисциплине кодирования и счёта. Дословная копия каждого интервью была закодирована по нескольким кодам, отражающим как различную региональную принадлежность, так и признаки респондентской системы убеждений. Путём сравнения этих независимых данных удалось осуществить многовариантный анализ комбинаций признаков политической идеологии элит.

Изучение политической идеологии региональных элит поможет ответить на следующие вопросы, столь важные для современной региональной политики: каков характер политической конкуренции между субъектами Федерации, внутри регионов, между центром и пери-

ферией? Насколько та или иная региональная власть рефлексирует свое отличие от центра и от других регионов, насколько резко выражен фактор самооценки, подчеркивается ли значение идей и идеалов в сознании представителей правящих групп? Интересно проследить у провинциальных элит степень укорененности крайних элементов регионализма — нетерпимости, национализма, местнического экстремизма и т. п. Оставляют ли место для оптимизма политические стимулы, задействованные в российской провинции в последние годы? Ответ на эти вопросы требует более пристального взгляда на то, чем задается мотивация властвующим элит российских регионов.

1.2. Политическая идеология: концептуальное измерение и функциональные характеристики

Характеристику региональных политических идеологий в их сравнительной перспективе невозможно начать без оценки самого понятия «идеология». Однако, даже имея нейтральный взгляд на вещи, нельзя не признать, что термины «идеология» и «элита» принадлежат к наиболее неясным понятиям политологии. Изменчивость данных терминов лежит в основе концептуального беспорядка в толковании каждого из терминов, который сохраняется по сей день. Одни возводят идеологию до статуса науки, в то время как другие опускают ее до патологической позиции фанатиков. Все это не может не приводить к крайностям в ее объяснении. Не случайно свою работу о политической идеологии европейских элит известный американский политолог Роберт Патнэм начинает со скорбного замечания: «Для любого подающего надежды сторонника социальной науки погружение в холодные и темные воды литературы по «идеологии» является шокирующим и разочаровывающим испытанием»³². Аналогичный пессимизм уже в 90-е гг. воспроизвел Дэвид Маклеллан: «За редким исключением слово «идеология» пробиралось запутанными дорогами уничижительных коннотаций»³³.

Долгое время существовала традиция рассматривать идеологию как нечто ненаучное, иллюзорное и в целом патологическое образование в духовной жизни общества. С отмеченных позиций многие сводили все идеологическое к выражению состояния деформации, деградации и омертвелости сознания. Это было обусловлено, главным об-

разом, тем, что идеология противопоставлялась «истине», науке и обоснованному знанию вообще, то есть идеология распознавалась своими когнитивными недостатками по отношению к науке. Согласно наблюдению Талкотта Парсонса, главный критерий идеологии проявляется в виде отклонения от научной действительности: «Проблема идеологии возникает там, где существует противоречие между тем, что думают и тем, что может быть установлено как научно правильное»³⁴, — писал он.

Подобное ограниченное употребление термина «идеология» как формы крайней интеллектуальной испорченности есть прямое следствие противопоставления политических и научных аргументов. О том, что идеологическая мысль подлежит изгнанию из нашего сознания в силу обладания качествами психологической деформированности из-за наличия в ней таких эмоций как ненависть, тревога или страх, писал и Вернер Старк³⁵. В соответствии с этой позицией идеология характеризовалась не иначе как «мутная струя» ложного сознания в потоке общественной мысли. Совершенно аналогичный вывод был сделан в свое время и Карлом Ясперсом о том, что квалификация мышления как идеологии означает выявление заблуждения и разоблачения зла³⁶.

Другая крайность в отношении идеологии заключалась в нашумевшем тезисе о «конце идеологии». Данный подход появился на Западе в конце 50-х — начале 60-х гг. (Д. Белл, Р. Арон) и касался европейского, рационалистического типа сознания. Он означал конец старых универсалистских идеологий, опиравшихся на иудейско-христианскую духовную традицию—либерализм, социализм и классический фашизм 20-40-х гг. Однако лишь неизжитым европоцентризмом можно объяснить тот факт, что эрозия очень небольшого набора развитых в европейской культуре идеологий (часто до предела упрощаемых) была принята за крах всего разнообразия идейных систем, в рамках которых люди видят и объясняют мир. Не приходится удивляться, что по мере возрастания социокультурных, духовных факторов развития западного общества и трансформации культуры «модернити» в конце 60-х гг. деидеологизация сменилась реидеологизацией, т. е. восстановлением идеологии, только уже в новых формах и с новым содержанием³⁷. Российская деидеологизация, как отказ от официально-коммунистической идеологии, на поверку имеет мало общего с той деи-

деологизацией, которая была на Западе три десятилетия назад, и нередко на деле оказывается простой заменой одних мифов другими.

Оценка позитивного и негативного значения идеологии, сопоставление ее с истиной, моралью, свободой и добродетелями личности будут оставаться одним из сложнейших аспектов проблемы «идеологического». Нет сомнений, что большая часть проблем идеологии возникла из-за недостаточной концептуальной разработанности в самой политической науке. Как предположил американский культурантрополог Клиффорд Герц, «подобно тому как воинствующий атеизм эпохи Просвещения был ответом на очевидные ужасы религиозного фанатизма (и шагом к более широкому познанию природного мира), так воинствующе враждебный подход к идеологии явился ответом на политические холокосты первой половины XX века (и шагом к более широкому познанию социального мира)»³⁸. Такое оценочное отношение к идеологии (в смысле вышеописанного ограниченного употребления), скорее, можно определить как реакцию на нее.

Внутренняя слабость оценочной концепции идеологии, подчеркивающая ее откровенно предвзятую направленность, обнаруживает себя во время ее использования. Особенно она беспомощна в исследовании социальных корней и последствий идеологии, того, что особенно важно для нашей работы.

Что касается социальных детерминант идеологии, то, на мой взгляд, перспективными являются два главных подхода к их изучению: теория интересов и теория напряжения (*the strain theory*). Для первого подхода идеология есть маска и оружие, для второго — симптом и лекарство. В теории интересов идеологические заявления и решения смотрятся на фоне универсальной борьбы за власть и выгоду. В теории напряжения — на фоне усилий по корректировке социопсихологического и социокультурного неравновесия в обществе. В первом случае люди стремятся к власти, во втором они бегут от тревог и дискомфорта.

Большим преимуществом теории интереса было и остается соединение культурных ценностей и систем идей с твердым основанием социальной структуры. Это соединение осуществляется путем акцентирования на мотивации тех, кто открыто признает такие системы и на зависимость их мотивации от социальной позиции. При таком рассмотрении зарождается понимание того, что любое политическое и

историческое мышление и действие обусловлены социально, что идеи любого социального субъекта есть функция его социального бытия. К. Манхейм считал, что «наиболее важным в понятии идеологии является открытие социальной обусловленности политического мышления»³⁹. Теория интересов объединяет политическую спекуляцию с политической борьбой, утверждая, что идеи являются оружием в деле захвата, удержания и максимизации власти.

Однако взгляд, согласно которому социальные действия являются бесконечной борьбой за власть, ведет к чрезмерно макиавеллистскому видению идеологии как формы высшего коварства и, следовательно, к отрицанию ее более широких социальных функций. Образ общества как поля боя, содержащего столкновение интересов, тонко скрытых за столкновениями принципов, поворачивает внимание от роли, которую идеология играет в определении социальных интересов, стабилизации социальных ожиданий, в поддержании социальных норм, в ослаблении социального напряжения, к узкому реализму тактики и стратегии. Описание идеологии как оружия в политической борьбе придает ей воинственный вид. Однако низведение идеологии до оружия в политической борьбе означает редуцирование более широкого интеллектуального круга, в пределах которого может быть осуществлен анализ данной роли. Вышеуказанная воинственность теории интересов, как отметил К. Герц, является не чем иным, как вознаграждением за её узорность⁴⁰.

Что касается теории напряжения, то она исходит из факта периодически повторяющейся дезинтеграции общества. Ни одно общественное устройство не может быть до конца успешным в овладении функциональными проблемами, с которыми оно неизбежно сталкивается. Все они опутаны противоречиями и трениями. Понятие «напряжение» относится как к состоянию личного дискомфорта, так и к условиям общественного кризиса. Но тот факт, что и общество, и личность являются скорее организованными системами, а не простыми совокупностями институтов и нагромождениями чувств и мотивов, означает, что социально-психологическое напряжение, которое они производят, также систематично. Что страхи и беспокойства, получаемые из социального взаимодействия, имеют собственную форму и порядок. Как показано в предыдущий главе, в новейшей России большинство людей живут жизнью шаблонизированного отчаяния, озна-

чающего разрушение устоявшейся и упорядоченной системы ценностей. Следовательно, идеологическое мышление рассматривается как своего рода ответ на это отчаяние. **Идеология есть шаблонизированная реакция на шаблонизированное напряжение социальной роли.** Она обеспечивает символический выход для эмоциональных беспокойств, порожденных социальным неравенством и дезинтеграцией в обществе. А общность идеологического восприятия может связывать людей вместе. Поэтому идеологические реакции на беспокойства будут стремиться к однообразию, укрепляемому (создаваемыми усилиями элит) общностями среди членов того или иного сообщества: региона, этноса, культуры и т. д. Например, Татария не стала бы Татарстаном, Калмыкия — Хальмг Тангчем, а Чечня — Ичкерией без производства популярных символов (на уровне этнокультурной и региональной общности), с помощью которых бросался вызов эмоциям всеобъемлющего социального кризиса в обществе.

Обе теории (теория интересов и теория напряжения) не исключают друг друга. В политике мы всегда имеем дело с целями и интересами политических субъектов, на которые, в свою очередь, влияют ценности, традиции, общекультурный контекст. В поворотные времена истории попытка идеологий воспроизвести иные социальные отношения имеют значение к такому их строительству, которое делает возможным целенаправленное действие внутри них. Применительно к нынешнему российскому случаю культурного кризиса эвристически более ценной является теория напряжения. Она означает, что «кризис», становясь одним из структурных признаков времени, выступает в качестве способа интерпретации действительности. Данная точка зрения рассматривает идеологии как системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом. И поэтому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии. В этой связи К. Герц ярко и образно охарактеризовал идеологии как **«карты проблематичной социальной реальности, которые позволяют коллективное понимание и осмысление изменений и вызовов, с которыми сталкивается общество»⁴¹.** В качестве таковых они обеспечивают **«новые когнитивные** путеводители для общества и могут **помочь в восстановлении порядка**». Как карты реальности, идеологии структурируют смысл и концептуа-

лизацию политического мира. Идеологии также делают возможным выбор осознанных дилемм, вследствие чего занимают центральное место в политическом осмыслении и принятии решений. Особая актуальность теории «напряжения» для современного анализа России заключается в том, что в принципиальном плане именно идеология дает наиболее полный и развернутый ответ на общественный кризис. На фоне сегодняшней бесконцептуальной российской политики такая задача является жизненно важной. Российское общество нуждается в том, чтобы ему был предложен ясный и позитивный образ будущего, чтобы власть внятно объяснила людям, куда и зачем страна движется.

Понятие «напряжения» само по себе не служит объяснением идеологических форм и образцов, а есть обобщенное обозначение для видов факторов, которые необходимо искать, разрабатывая объяснение. Эта теория говорит, что идеология является ответом на напряжение. Соединение социально-психологического напряжения и отсутствия культурных ресурсов, посредством которого образуется смысл этого напряжения (одно обостряет другое), создает базу для взлёта идеологий.

Обе теории выступают как взаимодополняющие части общей концепции идеологии. Как говорил К. Герц, теория «напряжения» возникла в ответ на эмпирические трудности, встречаемые теорией интересов. По сравнению с теорией интересов теория напряжения менее упрощенна, менее конкретна, но более пронизательна и более исчерпывающа. Однако, несмотря на всю утонченность в выявлении мотивов идеологической заинтересованности, анализ содержания и последствий такой заинтересованности, проводимый на основе теории напряжения, остается все же неуловимым. Диагностически он убедителен, функционально — нет. Именно здесь, в исследовании социальных функций и ролей идеологии, в отличие от ее детерминант, сама теория напряжения начинает давать сбой, а ее преимущественная острота по сравнению с теорией интереса — улетучиваться.

Общий вывод состоит в следующем. Каждый подход имеет право на жизнь, ибо высвечивает такую грань в идеологических движениях, которую не способен анализировать лишь один из них. То же самое можно сказать и по-другому: каждый из них имеет свои ограничения. Но в любом случае они уводят нас от бесплодных дискуссий определительного анализа, обеспечивая внутреннюю взаимосвязь

между политическими изменениями и идеологией. Из соединения обеих теорий вытекает интегративное определение идеологии⁴². Это соединение неизбежно, поскольку интересы формируются в идеально смысловом пространстве. Только в таком пространстве складываются масштабные цели. Наш анализ, данный в предыдущей главе, доказывает, что стратегическое целеполагание возможно только в идеально смысловом континууме. При отсутствии этого континуума исчезает сама среда, рождающая целеполагание. А вне такого целеполагания нет почвы для произрастания крупных интересов. Интегративное определение отражает всеобъемлющую миссию данного феномена. Она заключается в способности идеологии интегрировать общество на почве сознательно сформулированных целей и общепринятых ценностей. Идеология, по мнению французского философа Деспота де Траси,—это идеи, позволяющие установить твердые основы для политики, этики и т. д.⁴³ Если у граждан государства не будут формироваться общие духовные ценности, не будет общей идеологии, которая приводит духовные приоритеты в определенную систему, никакие законодательства не смогут регулировать общественные отношения. С этой стороны она воплощает систему ценностей и аргументов, обеспечивающих единство политической системы, ее институтов и организаций. Идеология — смыслообразующая сфера общественных отношений. История духовной жизни человечества свидетельствует, что желание людей иметь идеалы и стремиться к их достижению — неистребимое свойство человека как разумного существа. Люди во все времена жили, опираясь на представления о том, что их существование имеет смысл, одновременно соединенный с ними и выходящий за их пределы. «Идеологическое» пропитывает все факторы и формы бытия: собственность и ресурсы; потребности и интересы, стимулы и мотивацию деятельности людей; доминанты, приоритеты; культуру мышления и поведения, стиль общения людей, их мировосприятие. Без идеологического нет критериев и идеалов в жизни человека и общества, не формируются призвания и настроения, ориентации и программы⁴⁴. Даже в сравнительно устойчивых государствах в самое спокойное и мирное время политики апеллируют к высшим ценностям. Идеологическое формирует то или иное отношение к прошлому и будущему, без чего человек теряет пространственную и временную ориентацию, не способен определить перспективу.

Такое понимание идеологии дано в программной статье А.М. Косолапова, посвященной проблеме поиска интегративной идеологии для России. В ней идеология рассматривается как система ценностей и взглядов, которая позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире и служит основой целеполагания и выбора методов политической деятельности⁴⁵. При таком понимании понятие идеологии сохраняет все свои абсолютно положительные черты, которые должны быть использованы в научном исследовании. В самом деле, раз идеология есть нечто большее, чем ложная теория, а именно, учение, вызывающее к жизни определенную политическую практику, то, так писал У. Матц, она, идеология, обладает функцией наделять смыслом действие в пределах, коими охватывается экзистенция⁴⁶. Во многих случаях именно данная функция идеологии придает пронизательность пониманию политических событий. В сфере политики через идеологию воплощаются путем их преломления важнейшие элементы политического мировоззрения и социальной парадигмы. Через идеологию формулируются конечные основания выбора действия, связанные с философией, целями и интересами той или иной власти.

Хотя идеологии иногда предстают как жесткие системы, которые механистически направляют индивидуальное мышление и поведение, в более типичных случаях они являются гибкими сетями идей, открытых интерпретациям и инновациям индивидуальных и групповых действующих лиц. Двойственная природа идеологии как причинного фактора и человеческого творения означает, что идеологии могут одновременно творить и выражать настроения и предпочтения.

Идеологии не столь долговечны, как религии, но они более лабильны. Они рождаются жизнью и сравнительно легко приспосабливаются к меняющейся социальной ситуации. Они отвечают конкретным потребностям людей в конкретных обществах и в конкретные периоды их развития.

1.3. Аналитическая конфигурация исследования и системообразующие факторы регионов

Глубоко изучить процессы самоутверждения региональных элит и выдвижения ими политических идеологий во всех землях Российской Федерации не представляется возможным. Поверхностный ана-

лиз в стиле рассуждений об «общих тенденциях» неприемлем для автора. Поэтому обсуждение проблемы идёт на конкретном рассмотрении процессов в наиболее показательных республиках и регионах.

Границы исследования охватывают республики и регионы Поволжья. Этот географический ареал является наиболее удачным полигоном для кросс-локального анализа политической идеологии здешних властей. Поволжье в миниатюре отражает ситуацию в России, включая в себя как аналитически исключительные, так и обычные территории. Важный вопрос касается репрезентативности выбора конкретных регионов в рамках Поволжья. **Для выполнения этой задачи мне было необходимо отобрать регионы с максимально возможным числом расхождений между ними**⁴⁷.

Прежде всего выбраны две республики: Татарстан и Калмыкия. Их сравнение наиболее удачно отражает общую картину разделения России по принципу «Север-Юг» (промышленно развитые и богатые сырьем области Севера и Востока и бедные аграрные регионы Юга). Татарстан, безусловно, относится к первой категории, имея нефть, мощное машиностроение (КамАЗ, ЕлАЗ), авиастроение и значительный интеллектуальный потенциал. Во времена СССР промышленный потенциал Татарстана был равен потенциалу трех прибалтийских союзных республик вместе взятых. В российской «табели о рангах» республика входит в десятку регионов, которые самодостаточны и могли бы выбраться из кризисного состояния без посторонней помощи. К этому надо добавить то, что Татарстан сохранил и наращивает свой сельскохозяйственный потенциал, сделав одним из главных своих приоритетов развитие АПК⁴⁸. Данные обстоятельства позволяют говорить о республике как одной из самых экономически сбалансированных земель Российской Федерации. Показательно, что во время официального визита Делегации Татарстана во Францию Чрезвычайный и Полномочный посол России во Франции Юрий Рыжов представил Татарстан французским деловым кругам как наиболее репрезентативный регион России⁴⁹.

Что касается Калмыкии, то на всем протяжении советского периода она существовала как малозаселенный аграрно-сырьевой придаток. Главными факторами отставания Калмыкии можно считать:

- Исторический фактор — депортация калмыков (1943- 57 гг.) на 14 лет затормозила социально-экономическое развитие республи-

ки. Всего лишь один факт: в послевоенное восстановление Калмыкии не было вложено ни рубля, а ее территория была разделена между соседними регионами.

- Географический фактор — опустынивание, засоленность почв, нехватка пресной воды, введение в республике с 1 августа 1993 г. чрезвычайного экологического положения.

- Технологический фактор — отсутствие промышленности и перерабатывающих отраслей, многолетнее преобладание экстенсивного животноводства, то и дело превращавшего Калмыкию в «овечий Освенцим».

- Экономический фактор — дефицит капиталовложений и инвестиций, дотационность республиканского бюджета, отсутствие нормальной инфраструктуры.

- Этнокультурный фактор — в XX веке на долю калмыцкого народа выпали трагические испытания. В 1919 г. калмыки пережили расказачивание. В 1943 г. — поголовную депортацию, в результате которой они, в отличие от других репрессированных народов, были планомерно рассеяны по всей Сибири с последующим дисперсным проживанием. Такое положение не только убивало этнос физически, но обусловило утрату родного языка. Проблема национального возрождения стоит настолько остро, что, как отметил министр социальной политики Калмыкии, «все задачи экономического развития мы должны подчинить именно этой цели».

Обе республики выражают претензию на лидерство в своих территорияльных, этнических и культурно-исторических сообществах. Региональное измерение этой претензии со стороны Татарстана заключается в том, что Казань рассматривается многими местными интеллектуалами и политиками как особый исторический центр для народов, проживающих между Волгой и Уралом. Согласно данной интерпретации, Волго-Уральский регион с населяющими его народами: татарами, русскими, башкирами, чувашами, мордвой, марийцами, удмуртами и др. признается в качестве гомогенного и отличающегося от России сообщества, в пределах которого административные границы между территориями признаны условными⁵⁰. В связи с этим татарстанскими идеологами настойчиво выдвигается версия о «Волго-Уральской цивилизации» и даже «Волго-Уральском штате».

Татарстан — самый северный форпост ислама, а татары в дореволюционной России были лидерами мусульманского движения. К этому можно добавить то, что в начале XX века Казань стала местом, где вырабатывалась радикальная тюркская идеология. Получив автономию сверху в первые годы советской власти, Татарская АССР уже в период подготовки Конституции СССР 1977 г. ставила вопрос о статусе союзной республики и претендовала на него сразу с начала перестройки, став одним из лидеров национальных движений в республиках Российской Федерации.

Калмыцкое общество является самым западным анклавом монголоязычного мира и четвертое столетие находится в инокультурной среде. Самой историей калмыки были помещены на стыке проживания тюркских, северокавказских и славянских народов. Появление на современной политической арене Кирсана Илюмжинова в качестве Президента Калмыкии с его пассионарными взглядами, сделало его поначалу как бы политическим лидером монголоязычного мира⁵¹.

Обе республики признают за собой древнее историческое происхождение и провозглашают себя наследницами известных в российской истории государственных образований. Татарстан — Булгарского царства, Золотой Орды и Казанского ханства. Калмыкия — Калмыцкого ханства, наивысший расцвет которого пришелся на XVII век⁵².

Татарстан известен как лидер суверенизационных процессов в России, а Калмыкия — громким политическим оптимизмом и экстравагантными заявлениями своего президента. Именно референдум о суверенитете Татарстана ускорил подписание в 1992 г. Федеративного Договора — республика стала признанным локомотивом суверенизации. Данные территории, наряду с некоторыми другими, оказались в центре наиболее громких политических событий по линии взаимоотношений «Центр-периферия». Причём Декларация о государственном суверенитете Татарстана и долгий процесс подписания Договора о разграничении полномочий с федеральными властями⁵³ резко контрастирует с одномоментным и скандальным принятием Степного Уложения и отменой республиканской Конституции в Калмыкии.

Политические шаги именно этих республик во многом сформировали новые системообразующие особенности Поволжья. Так, в 1993 г президент Калмыкии Илюмжинов направил обращение в Ассоциацию социально-экономического сотрудничества республик, краев

и областей Северного Кавказа с просьбой о принятии Калмыкии в ее постоянные члены⁵⁴. В мае 1994 г. она была присоединена к Северокавказскому региональному союзу. Тогда же Татарстан вошел в Ассоциацию нефтедобывающих регионов России. Данные шаги в сочетании с откровенным тяготением Татарстана к лидерству в Волго-Уральском регионе и формальным характером существования ассоциации «Большая Волга» определили «разорванный» характер экономического и политического пространства Поволжья. Поэтому в последние годы о единстве Поволжья можно говорить лишь в чисто условно-географическом плане.

Помимо двух республик выбраны две области: Нижегородская и Саратовская. Нижегородская область — регион, хоть и несколько показного, но в недавнем прошлом активного реформаторства. Бывший губернатор Борис Немцов являлся одним из известных российских политиков и откровенным фаворитом кремлевских властей. Соответственно, на шкале духовной близости к Москве регион стоял на одном из первых мест среди других провинций. Этот факт не забывали подчеркивать в Казани при любом удобном случае с самыми недоброжелательными интонациями в адрес прежнего нижегородского руководства⁵⁵.

Заявления и действия нижегородской элиты изначально были такими же претенциозными, как у татарстанской власти. Сразу подмечу важнейшую черту ее политического стиля: возглавляемые командой Немцова реформаторские начинания (приватизация сферы торговли и грузового транспорта, свободное ценообразование, подчеркнутая открытость с иностранцами, формирование регионального земельного рынка и т. д.) каждый раз получали пропагандистское отражение в СМИ и тем самым бросались на весы общественной впечатлительности. В результате этих усилий Нижегородская область имела ярко выраженный комплекс лидерства с изрядной долей реформистского мессианства. Первой такого рода мерой было приглашение Г. Явлинского в Нижний Новгород для разработки местной рыночной модели. Сотрудничество осуществлялось в форме образования аналитического экспертного центра, что создавало прецедент политической конкуренции с командой Гайдара. За «Эпицентром» Явлинского закрепилась репутация мифического интеллектуального штаба, обеспечивающего неизменный успех реформ. Безусловно, это умножало

иллюзии нижегородцев и зависть других россиян, принося политические дивиденды команде Немцова.

Именно Татарстан и Нижегородская область первыми бросили вызов остальной России. С этого момента деятельность татарстанской и нижегородской руководящих групп стала предметом политической рекламы. Однако их географическая близость контрастирует с различием приоритетов местного развития. Если Нижегородская область стала своего рода лабораторией радикальных рыночных преобразований, то руководство Татарстана выступило против «шоковой терапии». Неприятие реформ «по-гайдаровски» побудило руководство Татарстана к поиску своего пути—появилась стратегия «мягкого вхождения в рынок». Причем в отличие от Ульяновской области, чье руководство проявило воинствующее неприятие «шоковой терапии», татарстанское «мягкое вхождение в рынок» можно расценивать как ситуативный тактический ход, продиктованный осторожным и несколько консервативным отношением к «шоковой терапии». Например, высшее руководство республики демонстративно критикует идею «деколлективизации» и насильственной фермеризации сельского хозяйства, настойчиво проповедуемой нижегородскими властями как некий образец реализации аграрной реформы.

Что касается Саратовской области, то она сначала была выбрана в качестве обычного региона. В отличие от Татарстана, Калмыкии, Нижнего Новгорода эта область до апреля-сентября 1996 г. в миниатюре отражала состояние большинства российских провинций, не претендующих на свой особый путь развития. Такое состояние было обусловлено очевидным отсутствием яркого лидера во главе региона и самобытной стратегии в подходе к ее проблемам у прежнего главы областной администрации Юрия Белых. Это породило о нем мнение как о «никаком губернаторе». Ситуация радикально преобразилась после назначения 15 апреля на пост главы администрации области Дмитрия Аяцкова, а затем его ошеломляющей победы на губернаторских выборах 1 сентября того же года.

За период «никаких» дел и глубокого разочарования деятельностью прежнего главы области у населения обострилась потребность в дееспособной власти. Эту потребность уловил и мастерски использовал Дмитрий Аяцков. Для выхода из затянувшейся депрессии, в которой пребывала область, новый губернатор использовал большую идею

(«Превратим Саратов в столицу Поволжья») и собственный пример активности. Так, в первые же дни после избрания Д. Аяцкова на заседании областной Думы был принят ряд важных законов, заметно повышающих статус Саратовской области, появились герб, флаг и правительство. Функции главы областного правительства взял на себя губернатор. Как отмечают местные обозреватели, от таких инициатив «депрессивная» еще недавно область в одночасье стала и символом, и стимулом.

Важной системообразующей особенностью выделенных субъектов РФ является определяющая роль личностного фактора. Можно сказать, что политическую ситуацию здесь определяет прежде всего руководство регионов. Первые лица региональной исполнительной власти полностью контролируют ситуацию в провинциях. Более того, главы этих регионов — Минтимер Шаймиев, Борис Немцов, Кирсан Илюмжинов, а с недавних пор и Дмитрий Аяцков — стали известными политиками в России, настойчиво ищущими признания в мире. Во всех приведенных регионах доминирует тенденция к построению авторитарной авторитарной модели при сохранении внешних атрибутов разделения властей.

Таким образом, приведенная выборка обозначает естественные различия регионов в географическом положении, природных и людских ресурсах, уровне и темпах развития, которые лишь усилились с началом рыночных преобразований. Это сравнение хорошо отражает также диспропорцию в территориальной структуре народного хозяйства страны, а также в темпах перехода к рыночной экономике. Здесь находится один из самых неблагополучных, по оценкам экономистов, регионов — Калмыкия, 90% населения которой находится за чертой бедности⁵⁶; постиндустриальный регион с высокими темпами преобразований — Нижний Новгород; топливно-сырьевая Республика Татарстан с сильно развитыми промышленностью и сельским хозяйством.

Данный выбор регионов создаёт удобную аналитическую конфигурацию для перспективного кросс-регионального исследования политической идеологии лидирующих групп российских земель. В рамках такой сравнительной выборки Поволжье предстает перед нами как центр политических, экономических, национальных и цивилизационных перекрестков. Новейшая история именно данных регионов как идеологических центров во многом обозначила пределы конфлик-

тов и напряжения центральной и локальной властей и соответствующих типов политического поведения. Каждый из них представляет собой определенный тип политического развития. Их разнообразие позволяет конкретно рассмотреть типы регионализма в разных формах его проявления. Между этими различными примерами можно поместить множество промежуточных региональных моделей.

В свете сказанного весьма проблематичным представляется подход многих ученых, пытающихся уложить всё многообразие регионального развития России в несколько «основных тенденций». Подобные аргументы имеют мало общего с весьма важным в таких случаях сравнительным анализом, на который часто ссылаются эти исследователи. Удивительно, что такой заслуживающий уважения подход к многообразию региональных особенностей в России, редко называется в конкретных научных исследованиях.

Выводы по главе

Основной вывод, следующий из данной главы, заключается в том, что авторская концепция анализа таких сложных социологических абстракций как «элита» и «идеология», позволяет не только использовать, но и совместить (и этим — нарастить) эвристический потенциал элитного подхода с возможностями теорий идеологии. Это ориентирует исследование на продуктивную аналитическую схему «элита и развитие» поверх различных интеллектуальных крайностей в толковании данных терминов.

Другой вывод касается использованного в работе сравнительного подхода к регионам. Приведённая выборка свидетельствует о том, насколько широк диапазон территориальных контрастов в России даже в пределах одного Поволжья. Это разнообразие отражает сложную внутреннюю структуру страны: в географическом, политическом, экономическом и других аспектах. Как оказалось, использованный при составлении региональной выборки принцип максимального различия систем позволяет лучше контролировать региональные особенности в России.

Примечания

¹ Beck C, Mc Kechnie J. Political Elites: A Select Computerized Bibliography. Cambridge: MIT Press, 1967.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15-ти т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 289, 290, 292.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 127.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М., 1992. С. 40, 42.

⁵ Тинн Э. Элитаризм, культурный мазохизм и Макс Вебер // Политика. Таллинн, 1990. № 8. С. 97.

⁶ Endruweit G. Elite und Entwicklung. Frankfurt am Mein: Lang, 1986. S. 350.

⁷ Jaeggi U. Die Gesellschaftliche Elite. Bern und Stufgart: Haupt, 1967. S. 12; Blondel J. Political Leadership. Toward a General Analysis. London: Sage, 1987. P. 19.

⁸ Уже к 1995 г., по подсчётам А.В. Понеделкова, по проблеме политических элит было опубликовано 120 работ (Понеделков А.В. Элита (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов-на-Дону, 1995. С. 6).

⁹ Литературная газета. 1995, 19 апреля. № 16. С. 11.

¹⁰ Edinger L., Searing D. Social Background In Elite Analysis: A Methodological Inquiry//American Political Science Review. 1967 (June). P. 428.

¹¹ Paige G. The Scientific Study of Political Leadership. N.Y.: Free Press, 1977. P. 86.

¹² Putnam R. Studying Elite Political Culture: The Case of «Ideology» // American Political Science Review. 1971. № 3. P. 51.

¹³ Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale Univ. Press, 1961. P. 90.

¹⁴ Welsh W. Leaders and Elites. N.Y.: Holt, 1979. P. 165-169; Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч. 3. М., 1992. С. 130-152.

¹⁵ Deutch K. Nerves of Government. N.Y.: Free Press, 1963 . P. 154-160; Lasswell H. Politics: Who Gets, What, When, How. N.Y.: Meridian Books, 1958.

¹⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 89.

¹⁷ Самый характерный пример в этом плане — весьма плодотворная деятельность Ольги Крыштановской, эксперта по «новым русским», которая возглавляет в Институте социологии РАН сектор изучения элиты (см. напр.: Портрет современной элиты // Спутник-дайджест. 1995. № 7. С. 6-15; Kryshstanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite //Europe-Asia Studies. 1996. № 5. P. 711-735).

¹⁸ Это утверждение не означает пренебрежения умственными способностями большинства населения Оно просто описывает некоторые объек-

тивные законы функционирования общественного мнения и общественных эмоций

¹⁹ Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984. С. 131; Шестопал Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. 1995. № 4. С. 86.

²⁰ Манхейм К. Указ. соч. С. 113.

²¹ Bachrach P., Baratz M. Two Faces of Power // American Political Science Review. 1962. №4. С. 86.

²² Putnam R. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J. Prentice - Hall, 1976. P. 89.

²³ Kornberg A. Canadian Legislative Behavior. N.Y.: Holt, 1967. P. 137.

²⁴ Как подчеркивают российские аналитики, о существовании в сегодняшней России партийной системы можно говорить лишь с большой долей условности. Мы имеем дело с конгломератом протопартий, не обладающих сколько-нибудь значительной социальной базой. Главным фактором, определяющим политическое пространство, выступает отношение—причем сильно персонализированное — к реальным центрам власти (Партийная система в России в 1989-1993 годах: опыт становления. М.: Начала-Пресс, 1994. С. 31,58-60). Более подробно и на примере конкретных регионов см.: Афанасьев М.Н. Правящая элита России: образ деятельности // МЭиМО. 1996. № 4. С. 30-51; Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. С. 69; Магомедов А.К. Власть новой Калмыкии. Организация и пределы согласия политической элиты // Россия и современный мир. Москва: ИНИОН РАН, 1995. № 3. С. 16-19.

²⁵ Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум Казань, 1995. № 1. С. 49; Время и деньги. Казань, 1996. 1 октября.

²⁶ Стенограмма встречи Президента республики М.Ш. Шаймиева с представителями общественно-политических объединений 12 ноября 1994 г. // Протокольный отдел Администрации Президента РТ.

²⁷ Барзилов С, Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 8.

²⁸ Турунок С.Г. Кирсан Илюмжинов //Кентавр. 1995. № 1. С. 42.

²⁹ Рикер П. Герменевтика, этика, политика. М.: АО «КАМІ», 1995. С. 10, 11, 12.

³⁰ Pye L. Personal Identity and Political Ideology / Marvick D. (ed.) Political Decision - Makers. N.Y.: Free Press, 1961. P. 297.

³¹ Политическая культура служит более систематизированному пониманию феномена политической идеологии. «Классические идеологии со-

ставляют традиционную принадлежность политической культуры» (Матц У. Указ. соч. С. 411).

³² Putnam R. Studying Elite Political Culture: The Case of «Ideology» // American Political Science Review. 1971. № 3. P. 651

³³ Mc Lellan D. Ideology. Buckingham: Open University Press, 1995. P. 1.

³⁴ Parsons T. An Approach to the Sociology of Knowledge. Transactions of the Fourth World Congress of Sociology. Milan and Stresa, 1959. P. 25-49.

³⁵ Stark W. The Sociology of Knowledge. London, 1958. P. 48. Данное значение идеологии соответствует тому, что Карл Манхейм назвал «частичной идеологией, понимаемой как «ложное сознание». Законченный вид подобного толкования идеологии (в виде определений типа «секулярный клерикализм», «политический миф» и т.д.) дал Раймон Арон в работе с характерным названием «Опиум интеллектуалов» (Aron R. The Opium of the Intellectuals. N.Y., 1962).

³⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991. С. 203.

³⁷ Кара-Мурза С., Ормигон М., Пискунов Д. Идеология и наука - не антиподы // Общественные науки и современность. 1991. № 5. С. 91; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Инфомарт, 1994. С. 106.

³⁸ Geertz C. Ideology as a Cultural System. In: Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. London: Fontana Press, 1993. P. 220.

³⁹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 57.

⁴⁰ Geertz C. Ibidem.

⁴¹ Великолепна его фраза: «Именно в эмоционально и топографически незнакомой стране человек нуждается в поэмах и картах дорог» . Geertz C. Ibidem.

⁴² В этом значении данное определение эквивалентно тому, что К. Манхейм называл «тотальной» идеологией. «Тотальную» идеологию он отделяет от «частичной» идеологии в смысле традиционно понимаемого «ложного сознания». Понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника, в том числе и его категориальный аппарат. (Манхейм К. Указ. соч. С. 57).

⁴³ McLellan D. Ideology. P. 5

⁴⁴ Белозерцев В.И. Природа и роль «идеологического» в духовно-практической жизни человека и общества: проблемы и суждения // Идеология как феномен духовной жизни человека и общества. Ульяновск: УлГТУ, 1995. С. 3-19.

⁴⁵ Косолапова А.М. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 3-24.

⁴⁶ Матц У. Указ. соч. С. 3-24.

⁴⁷Это то, что в прикладной политологии называется «принципом максимального различия систем». (См.: Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования. М.: «Весь Мир», 1997. С. 343, 344).

⁴⁸Стенограмма встречи Президента Республики Татарстан Шаймиева М.Ш. с участниками 1-го международного семинара «Пресса и регионализм» 22 июля 1996г. // Общий Отдел Администрации Президента РТ.

⁴⁹Республика Татарстан. Казань. 1996. 26 октября.

⁵⁰Такая интерпретация особенно громко прозвучала на международном семинаре по проблемам регионализма, прошедшем в сентябре 1994 г. в Казани. В работе данного Форума, помимо западных и московских экспертов, участвовали 21 представитель из 10 республик и областей Волга-Уральского Региона (Lisa M.Le Mair A. Regional Approach to Russian Federalism? IREX Seminar in Kazan//Internatinal Research and Exchanges board. News in Brief. 1994. № 6. P. 18).

⁵¹Гучинова Э.-Б. Власть в этнокультурном контексте // Независимая газета. 1994. 9 июля. Автор приводит факт: монголы преподнесли Кирсану серебряный меч, подобный мечу Чингисхана, напрямую связав происхождение первого с генеалогическим древом Чингизидов.

⁵²Я рассматриваю подробно эту проблему в силу традиционно сильных позиций исторических критериев проявления политической идеологии.

⁵³Белая Книга Татарстана. Путь к суверенитету. 1990-1993. Казань, 1993.

⁵⁴Независимая газета. 1993. 27 октября.

⁵⁵Когда во время скандальной эпопеи, связанной с созданием «ВЧК» осенью 1996 г., была предпринята попытка объявить КамАЗ банкротом, из Казани последовала следующая реплика: «Почему фискальный прессинг обрушился на два индустриальных гиганта Татарстана (имеется в виду КамАЗ и Татнефть.- А.М.) — Татарстана, которому сама Российская Федерация в общем и в целом задолжала 300 миллиардов, тогда как в особо опасных недоимщиках безмятежно ходят такие области, как Нижегородская—вотчина «образцово-показательного реформатора» Немцова.» (Республика Татарстан. Казань, 1996. 26 октября)

⁵⁶Гоффе Н., Цапенко И. Россия в «шкуре леопарда»: социальные проблемы региональной политики // МЭиМО. 1996. № 2. С. 17-25.